

Клан Гу обладает способностью слышать ложь, заключенную в чреве рыб, и извлекать её. Энергию, полученную от сбора этой лжи, они используют для подавления того, что скрыто глубоко под землей. Знает ли об этом семья Лу? И если да, то насколько глубоко они посвящены в эти дела?

Старик говорил, что люди, способные справиться с призраками, зачастую страшнее самих призраков. Какая история стоит за этими словами? Неужели он сам когда-то попал в ловушку?

Гу Чанъань потер лицо. Старик проворачивал все эти дела за его спиной только ради него самого, надеясь, что парень сможет пережить Преодоление Скорби и прожить долгую жизнь. Сейчас, когда карты, казалось бы, раскрыты, на самом деле многое еще оставалось в тени.

В ту ночь в храме Гу Чанъань пытался стереть каплю крови о межбровье Лу Чэна, но у него ничего не вышло. Нужно было найти возможность попробовать еще раз. Только так Гу Чанъань мог прощупать каждую косточку Лу Чэна и узнать его подноготную. Иначе он оставался в слишком пассивном положении, словно кто-то вел его на поводке.

Гу Чанъань не слышал лжи Лу Чэна, и одного этого факта было достаточно, чтобы вывести его из себя.

Пот на теле давно высох, и чем дольше Гу Чанъань оставался на месте, тем сильнее мерз. Когда он пришел в себя, руки и ноги уже стали ледяными. С лицом, бледным до синевы, он отправился принимать горячий душ.

В половине третьего ночи, перерыв все ящики, Гу Чанъань нашел лишь пакет сушеного таро. Он съел его через силу, запил большой кружкой теплой воды, и только тогда почувствовал, что ожил.

Оживший Гу Чанъань, прихватив свою подушку, направился в соседнюю комнату. Уснуть во второй половине ночи было невозможно, а у него оставалось еще много вопросов к Лу Чэну: о семье Лу, об Инь-ян глазах, о двух кланах и... о том сне, в котором он тонул.

Гу Чанъань символически постучал в дверь. Ответа не последовало. Он прислонился к стене, пнул дверь ногой, а через некоторое время постучал снова.

Дверь открылась изнутри. Лу Чэн, одетый в легкую домашнюю одежду, окинул взглядом подушку в руках юноши, вопросительно приподняв бровь.

Глядя на то, как легко одет мужчина, Гу Чанъань невольно вздрогнул. Он шагнул внутрь и бросил подушку на кровать:

— Разве ты не хотел поболтать со мной? Давай, поговорим.

Лу Чэн ответил:

— Сейчас я не хочу разговаривать.

Под пристальным взглядом мужчины Гу Чанъань разулся, откинул одеяло и лег. Тепло хлынуло со всех сторон, и Гу Чанъань блаженно прищурился. Его лицо мгновенно посвежело, тени под глазами исчезли, и теперь он выглядел хрупким и прекрасным.

Лу Чэн, возвышаясь над ним, посмотрел на юношу, который так бесцеремонно оккупировал его постель:

— Сколько бы ты ни говорил сегодня вечером, это не отменит одного факта: это я тебя спас.

Разговор снова вернулся к той же теме, и смысл был очевиден. У Гу Чанъаня дернулся глаз, но он улыбнулся, приподняв уголки губ:

— Да, ты спас меня. Я никогда этого не отрицал.

Лу Чэн продолжил:

— Но с самого начала ты не проявил должного отношения к своему спасителю.

— Это моя вина.

Гу Чанъань неторопливо выбрался из кровати, надел ватные тапочки и, встав перед мужчиной, притворно поклонился:

— Я торжественно, искренне и от всей души говорю тебе спасибо.

Лицевые мышцы Лу Чэна слегка дернулись. Фальшивое маленькое создание.

Глава 24

Гу Чанъань думал, что Лу Чэну придется долго ломаться, но стоило ему выразить благодарность, как тот без лишних слов выключил свет и лег в кровать — его движения были естественными и совсем не казались натянутыми.

Тепло под одеялом согревало тело Гу Чанъаня, но густая Янская энергия, исходившая от человека рядом, согревала его ледяную душу. Он невольно издал довольный звук, словно после сытного пира.

Лу Чэн услышал это, и его лицо помрачнело. Ему показалось, что он — добыча, которую жадно грызет дикий зверь. Впрочем, это было не совсем иллюзией: Янская энергия действительно понемногу утекала. И ладно бы просто утекала, так ведь и вор оказался алчным, неблагодарным, коварным и хитрым существом.

Мрачная тьма была скрыта плотными шторами, в комнате стояла тишина. Гу Чанъань за всю жизнь лишь пару раз делил постель с У Дабином, да и то в исключительных случаях, когда они спали в разных концах кровати.

Впервые ему приходилось делить ложе с кем-то чужим. Расстояние было слишком коротким, он уже переступил черту безопасности и чувствовал себя крайне неловко. К тому же У Дабин был его доверенным лицом, он относился к нему как к родному брату, и тот отвечал тем же. Это были те отношения, при которых, даже обзаведясь семьями, они все равно праздновали бы праздники вместе.

Но этот человек был другим. Гу Чанъань подумал, что Лу Чэн с его высокомерным видом наверняка никогда ни с кем не спал. Его аристократизм резал глаза. У них обоих были сверхъестественные способности, но он родился с деревянной ложкой, а тот — с золотой. Разница была как между небом и землей, и в конечном итоге все сводилось к корням старших поколений.

Интересно, какова была ситуация в те времена?

В темноте внезапно раздался голос Лу Чэна:

— Чего ты ворочаешься?

У Гу Чанъаня чесалась спина, он потерся о простыни, но не помогло, и он начал чесать её рукой:

— Тебе какое дело, что я делаю?

Лу Чэн холодно отрезал:

— Еще раз пошевелишься — вылетишь отсюда.

Гу Чанъань презрительно хмыкнул. Он продолжал чесать спину, а когда стало легче, лениво зевнул.

Кровать рядом внезапно просела, повеяло теплом. Гу Чанъань, застигнутый врасплох, оказался окутан этим ароматом. Он затаил дыхание, его спина напряглась.

Уголки губ Лу Чэна дрогнули, он тихо усмехнулся:

— Хм...

Голос был низким и приятным. У Гу Чанъаня не случилось того легендарного состояния, когда от мужского голоса можно забеременеть, он лишь почувствовал, что в этом смешке сквозит насмешка. Струна в его мозгу натянулась, он рефлекторно хотел огрызнуться, но, открыв рот, лишь вдохнул аромат мужчины.

— Ты чего ко мне так придвинулся?

Лу Чэн, прикрыв глаза, ответил:

— Нельзя?

Гу Чанъань, не раздумывая, лягнул его ногой под одеялом. Для Лу Чэна тьма была как день, он видел всё отчетливо и легко перехватил ногу юноши:

— Ночь на дворе, чего ты хулиганишь перед старшими?

— О господи, старшими? Хулиганишь? Что за бред? — Гу Чанъань едва не подавился собственной слюной.

Лу Чэн отбросил его ногу и холодно произнес:

— Повторяю в последний раз: я старше тебя, причем намного.

Он лег обратно, натянул одеяло, закрыл глаза и добавил:

— Спи. И не ворочайся.

Гу Чанъань уставился в потолок:

— Намного старше? Ты вообще человек?

Лу Чэн безразлично ответил:

— Человек я или нет — тебя не касается.

Гу Чанъань дернул уголком рта:

— Тоже верно. Какое мне дело, человек ты или нет, мне плевать.

Лу Чэн повернулся к нему спиной, не желая продолжать разговор.

Спустя мгновение Гу Чанъань отбросил лишние мысли и толкнул мужчину в плечо:

— Не спи пока. Тот сон, где я тонул, — что это вообще было?

Тишина.

Решил притвориться, что не слышит? Гу Чанъань беззвучно усмехнулся, достал зажигалку и чиркнул ею, чтобы увидеть лицо мужчины.

Глазные яблоки под веками Лу Чэна дрогнули. Он открыл глаза — глубокие, как ночное небо. Огонек зажигалки отразился в них, словно мерцающие звезды.

Через пару секунд Гу Чанъаню вспомнились слова Личунь. Она говорила, что у этого человека чарующий взгляд, словно он умеет говорить, и в нем столько чувств, что он смотрит на любого как на возлюбленного.

Гу Чанъаня передернуло от отвращения. Он отбросил зажигалку и принялся яростно растирать мурашки на руках:

— Можно не быть таким... гейским, а?

Лу Чэн внезапно сменил тему, без всякого перехода:

— Призраков нельзя изгнать, можно изгнать лишь их помыслы.

Гу Чанъань быстро подстроился под его волну:

— Помыслы?

— Обида, злоба, одержимость, любовь и так далее, — Лу Чэн говорил небрежно. — Любая эмоция, выходящая за рамки нормы, превращается в помысел.

Гу Чанъань лег обратно в кровать, приняв свободную и расслабленную позу:

— Тогда как заставить призрака, задержавшегося в мире живых, уйти?

Тонкие губы Лу Чэна изогнулись:

— Добровольно.

— Добровольно? — изумился Гу Чанъань. — А Иньцзянь что, не вмешивается?

Лу Чэн ответил:

— Я еще не умер. Когда умру, спрошу у правителей Иньцзяня и тогда вернусь, чтобы ответить тебе на этот вопрос.

— ... — Лучше не возвращайся.

Гу Чанъань снова чиркнул зажигалкой, пламя окрасило его лицо в бледно-голубой цвет. Лу Чэн обладал не только Инь-ян глазами, но и способностью к медиумизму. В глазах Гу Чанъаня мелькнул расчетливый огонек.

Чья-то рука протянулась из темноты, забрала зажигалку и точно отправила её на стол, подальше от кровати. Раздался глухой стук.

Гу Чанъань опешил, а затем рассмеялся. Темнота никак не влияла на этого человека. Интересно. Он подпер голову рукой:

— Эй, ты так и не сказал мне насчет того сна.

Лу Чэн закрыл глаза:

— Я здесь только для того, чтобы помочь тебе пройти Преодоление Скорби. Остальное меня не касается.

Гу Чанъань покосился на него:

— Разве для тебя это не пустяковое дело?

— Именно так, — безжалостно ответил Лу Чэн. — Но я не хочу этого делать.

У Гу Чанъаня задергался висок. Он развернул мужчину за плечо и продемонстрировал ему свою вымученную улыбку:

— Окажи мне услугу.

Лу Чэн приоткрыл один глаз. В этом мире некоторые рождаются прирожденными лжецами. Вот как этот человек перед ним: притворяется, полон коварства, глубок и хитер, но при этом заставляет окружающих поверить в свою искренность.

Гу Чанъань приподнял брови:

— Ты ведь пришел ко мне не просто так, верно? Давай так: ты pomoжешь мне один раз, я помогу тебе один раз. По рукам?

Лу Чэн молчал, словно взвешивал выгоду сделки.

Гу Чанъань, словно уличный торговец, принялся расхваливать себя:

— В делах с призраками я не силен, но что касается людей — я мастер.

Лу Чэн произнес:

— По рукам.

Гу Чанъань выдохнул с облегчением. С этим можно было работать:

— Говори.

В ушах раздался шорох — открывали пакет со сладостями. Гу Чанъань повернул голову:

— Мармелад? Разве ты не говорил, что не ешь перед сном?

— Ты меня достал, решил сделать исключение, — сказал Лу Чэн, продолжая жевать. — В доме той женщины с красным родимым пятном на лице есть призрак...

Гу Чанъань возбужденно перебил:

— Черт! Я так и знал!

Лу Чэн продолжил:

— Ты придешь.

Гу Чанъань усмехнулся:

— Ну ты сказал. Как же я приду? Лучше ты сам.

Он слушал чавканье у себя под ухом и не удержался, облизал губы:

— Чего ты один ешь? Поделись, составлю тебе компанию.

Лу Чэн не дал, неторопливо спросив:

— Сладости важнее или дело?

Гу Чанъань мысленно выругался, но вслух улыбнулся:

— Конечно, дело важнее. Продолжай.

Лу Чэн доел мармеладку и достал из пакета следующую:

— Когда ты занес ту женщину внутрь, призрак был во дворе. Дверь закрыла она сама.

Гу Чанъань цокнул языком. Неудивительно, что тогда он почувствовал, как холодный ветер обвивает его шею. Он долго ждал продолжения, но его не последовало:

— И что дальше?

Лу Чэн ответил:

— Больше ничего.

— ...

Гу Чанъань поправил волосы:

— Мужчина или женщина?

Лу Чэн ответил:

— Женщина.

Гу Чанъань засыпал его вопросами:

— Сколько лет, как выглядит, во что одета, какая связь с той женщиной, почему осталась у неё, вы общались?

Лу Чэн ответил невпопад:

— Люди боятся неизвестности. Стоит заговорить о призраках, как они уже готовы наложить в штаны от страха. На самом деле, люди гораздо страшнее. Многие призраки очень слабы, они ограничены миром живых, у них почти не осталось сознания от прошлой жизни. Они остаются в мире живых лишь из-за своих помыслов, сохраняя тот облик, в котором умерли, и выглядят пугающе. Некоторые даже не знают, что мертвы, и продолжают жить по привычке.

Гу Чанъань нахмурился:

— Ты хочешь сказать, что тот призрак не знает, что умер?

Лу Чэн бросил:

— Это был просто пример.

Гу Чанъань закатил глаза. Этот человек точно пришел помогать, а не ставить палки в колеса?

— Та женщина в последнее время постоянно находится рядом с призраком, она впитала много обиды, — сказал Лу Чэн. — Ты был слишком близко к ней и подцепил немного, поэтому тебе и приснился такой сон.

Гу Чанъань ахнул:

— Если так, то выходит, она каждую ночь спит...

Лу Чэн холодно заметил:

— Иначе почему она стала ни живой, ни мертвой?

Гу Чанъань внезапно спросил:

— Ты умеешь рисовать?

Лу Чэн ответил:

— Вполне неплохо.

Гу Чанъань встал с кровати, включил свет, протянул ему бумагу и ручку, чтобы тот изобразил призрака. Он покосился на мармелад в руках мужчины и сглотнул слюну:

— Рисуй, а я пойду сварю лапши.

— Свари и мне миску.

Лу Чэн поднял глаза, посмотрев на него как на непутевого отпрыска:

— Не клади туда всякую гадость. Никакого рисового вина, соевого соуса или кунжутного масла. Только бульон и лапша, договорились?

Гу Чанъань с мрачным лицом вышел, хлопнув дверью.

Когда Гу Чанъань выключил плиту, Лу Чэн тоже отложил ручку — всё было готово. Гу Чанъань вошел в комнату и взял бумагу. С профессиональной точки зрения — работа мастера: линии четкие, пропорции и выражение лица безупречны. Но если отбросить профессионализм...

Что означала пустая рамка вместо лица? Гу Чанъань сунул бумагу мужчине под нос:

— А где лицо?

Лу Чэн принялся за лапшу:

— У меня прозопагнозия.

— Кроме лица я всё нарисовал. Если ты до сих пор ничего не понял, значит, у тебя в голове вода.

Гу Чанъань, упершись руками в край деревянного стола, наклонился над мужчиной:

— Лапша вкусная?

Лу Чэн не поднял головы:

— Ты плюнул в неё?

Гу Чанъань усмехнулся:

— Такое идиотство делают только идиоты.

— Верно, — Лу Чэн подул на лапшу на кончиках палочек. — Если бы ты плюнул, мы бы косвенно поцеловались.

Гу Чанъань с дергающимся лицом отступил на пару шагов. Черт, этот человек больной.

Около половины четвертого в курятнике во дворе послышался шорох — пара кур вышла попить воды и поклевать зерна в ожидании рассвета. Гу Чанъань и Лу Чэн легли обратно.

Гу Чанъань потянул одеяло на себя, Лу Чэн остался без укрытия и дернул его обратно. Затем Гу Чанъань дернул снова:

— У меня нога снаружи.

Лу Чэн невозмутимо ответил:

— Если бы ты не раскидывал ноги так широко, нога бы не торчала.

Гу Чанъань резко сел, в темноте уставившись на мужчину. Помрачнев, он снова лег, словнодохлая рыба. Завтра обязательно нужно высушить одеяло и постирать простыни — это была последняя мысль перед тем, как он провалился в сон.

Следующий день выдался пасмурным, небо затянули тучи, дул сильный ветер. Лицо Гу Чанъаня было таким же длинным и мрачным, как погода. Одеяло на кровати по-прежнему было сырым. В шкафу лежали еще два, но они остались от старика и пахли плесенью — без просушки ими невозможно было пользоваться.

В большом чане дернулась карась, и из его чрева раздался звучный голос соседа Чэнь Яна:

— Вечером я иду ужинать с коллегами.

— Да какое там веселье? Я на работе так устал, что сил нет. Поедим, сходим в интернет-кафе поиграть и вернусь.

Гу Чанъань держал во дворе чан, куда бросал рыбу, когда не мог доесть. Вся ложь соседей оседала в животах рыб, включая вранье прохожих, проходивших мимо его дома. Он никогда её не извлекал — ценности она не представляла.

Сегодня вышло случайно: едва Гу Чанъань услышал ложь Чэнь Яна, как тот пришел вместе с женой и трех-четырехлетним сыном. Сказал, что им нужно по делам к родственникам, брат ребенка неудобно, и спросил, нельзя ли оставить его присмотреть.

Гу Чанъань откусил яблоко:

— К одиннадцати вернетесь? Мне после обеда нужно уйти.

Чэнь Ян расплылся в улыбке:

— Конечно, конечно, спасибо, Чанъань.

Рядом стояла его жена Ху Цзюань. Она была довольно красива, следила за фигурой, обладала приятным темпераментом, и по ней нельзя было сказать, что она мать ребенка.

Чужая еда всегда кажется вкуснее своей. Взгляд Гу Чанъаня то и дело скользил между Чэнь Яном и Ху Цзюань. Он уже не помнил, когда это было, но слышал ложь Ху Цзюань, которую она говорила мужу: если он найдет себе другую, пусть обязательно использует презерватив, а если нет, то пусть обязательно скажет ей — она боится подхватить болезнь. Еще она говорила, что разведется с ним.

Раз это была ложь, значит, в тот момент Ху Цзюань так не думала, или же была недостаточно решительна. Подобную ложь Гу Чанъань слышал не раз.

Супруги живут вместе долгое время, и всё, что нужно и не нужно знать, становится известно. Ху Цзюань должна была догадываться, просто не протыкала эту бумажную ширму.

Гу Чанъань не понимал супружеской жизни и не хотел вникать — его это не касалось. Ложь не знает границ, пола, возраста или профессии.

Когда маленький мальчик устался на половинку яблока в руке Гу Чанъаня и сладко произнес: «Брат Чанъань, ты такой красивый», из чана в его уши тут же донеслось то же самое.

Настроение Гу Чанъаня мгновенно испортилось. Это же была чистая правда, как это могло быть ложью? Неужели он не красив?

Он уперся локтями в колени, подался вперед к мальчику и улыбнулся своим бледным, изящным лицом:

— Правда, что ли?

Мальчик закивал, как заведенный:

— Правда, правда! Брат Чанъань очень красивый!

Гу Чанъань снова услышал те же слова из чрева рыбы. Он помыл яблоко и дал мальчику:

— Скажи брату, почему ты врешь?

Мальчик взял яблоко и, довольный, начал его грызть, не обращая внимания на старшего.

Сзади слева раздался насмешливый голос Лу Чэна:

— Не знаешь, почему врет? Думаю, вместо брата он хотел бы называть тебя сестрой.

— ...

Гу Чанъань взмахнул правой рукой, отправив огрызок в мусорную корзину неподалеку. Он посмотрел на мужчину, в его глазах за очками сверкнул холодный свет. Сколько он собирается здесь жить? Два месяца, три, полгода?

Боюсь, до того, как придет Преодоление Скорби, он сам его взбесит до смерти.

Лу Чэн, не обращая внимания, неторопливо застегивал пуговицы на пальто:

— Я отлучусь, вернусь вечером.

Гу Чанъаня не интересовало, куда он идет, его волновало лишь то, что касалось его самого:

— Когда мы пойдем к Чжан Луну?

— Завтра, — Лу Чэн бросил взгляд на юношу. — Не звони мне, я не отвечу. Если позвонишь больше трех раз, я просто выключу телефон.

— Много о себе возомнил, — Гу Чанъань поправил очки на переносице. — Даже если ты попросишь, я тебе не позвоню.

Лу Чэн ответил взглядом, означавшим «так будет лучше всего».

На пороге появился еще один сосед, в левой руке он держал пару кусков вяленого мяса, в правой — связку вяленых куриных ножек, перевязанных веревкой. Вид у них был крайне аппетитный.

Гу Чанъань еще не успел ничего сделать, как Лу Чэн с улыбкой принял угощение и вежливо поблагодарил. Его благородный и элегантный вид в сочетании с вяленным мясом и куриными ногами выглядел крайне нелепо, но он всё равно умудрялся сохранять вид простого и доступного человека.